

Серая, припорошенная пылью голубка опустилась на подоконник как раз в тот момент, когда Сюнь Хайши пил третью за день чашу горького снадобья.

Солнце уже клонилось к закату, отбрасывая силуэт птицы на бумажный оконный переплет. Сюнь Хайши сделал последний глоток и, покосившись на мужчину, который потянулся к голубке, негромко произнес:

— Я голоден.

— Чего бы тебе хотелось? — небрежно отозвался Се Юйсуй.

Приоткрыв створку, он впустил птицу, ловко отвязал от ее лапки крошечный свиток и выпустил обратно на волю. Все это он проделал так плавно и стремительно, что Сюнь Хайши даже рта раскрыть не успел. Проводив взглядом растаявшую в небесах серую точку, он сокрушенно вздохнул:

— Вот и ужин улетел.

Се Юйсуй на мгновение замер. Тонкие пальцы развернули узкую полоску бумаги. На ней красовались всего четыре иероглифа: «Рыба в котле».

Это было условное послание. Оно означало, что Лян Хунчэнь благополучно пересек границы Юнчжоу и устроился на ночлег под самым носом у Ляо Лу. Если бы его отряд вошел в сам город Юнчжоу, шифр звучал бы иначе: «Рыба в чаше».

От горького отвара у Сюнь Хайши раскалывалась голова. Заметив, что Се Юйсуй слишком долго не сводит глаз с клочка бумаги, он язвительно протянул:

— Что, ненаглядный соскучился? Аж сюда весточку прислал?

Се Юйсуй чиркнул огнивом и поднес огонек к бумаге. Наблюдая, как пламя пожирает шифр, он, не поднимая головы, холодно обронил:

— Если бы я не знал наверняка, кто передо мной, то решил бы, что главу ордена Сюня подменили каким-нибудь кокетливым юношей из столичного веселого дома.

В те времена мужская любовь была в чести, и редкий элитный бордель обходился без изнеженных наложников. В отличие от девиц, в этих юношах все же теплилась толика мужского благородства, и поначалу, попав в пучину разврата, они стыдились своего ремесла, внешне мало отличаясь от благопристойных господ. Но шло время, пагубное поветрие крепло, и обитатели мужских покоев быстро переняли женские повадки — научились капризно дуть губы, картинно лить слезы и разыгрывать горькую долю. Дело доходило до абсурда: очарованные ими мужья выставляли законных жен за порог, так что властям пришлось

вмешаться. Вышел указ, строго запрещающий вводить мужчин в дом на правах законных супругов, и безумие поутихло.

Уважающий себя муж — гордый и высокомерный по природе — никогда бы не опустился до роли бесправного наложника. Уж не говоря о продолжении рода, сама мысль о том, чтобы делить быт с бабами и ложиться под другого мужчину, казалась большинству дикостью. Вскоре законные браки между мужчинами и вовсе канули в лету, а редкие любители запретных утех вернулись в тихие залы закрытых заведений.

С тех пор обозвать благородного мужа подобным словом считалось злейшим оскорблением. Обида от такого сравнения была столь глубока, что порождала кровную вражду, мало уступающую мести за поджог или убийство.

Сюнь Хайши лишь диву давался, с чего бы князю так свирепеть. Сам-то он считал, что сегодня вел себя тише воды, ниже травы: послушно глотал горькую дрянь и, несмотря на разбитое тело, увлеченно играл с ним в сыщиков. Толку от этой игры вышло немного, но и хлопот он не доставил. И надо же — получил в ответ такое пренебрежение.

«Какая вопиющая неблагодарность», — подумал Сюнь Хайши.

К счастью, Сюнь Хайши не отличался злопамятством. Брань ли, тонкие издевки — все это давно отскакивало от него, как горох от стены. Слово, способное довести любого другого до белого каления, он попросту пропустил мимо ушей. Лишь лениво передернул плечами и перевел разговор на дело:

— Значит, Лян Хунчэнь на месте.

К тому, что его мысли без труда читают, Се Юйсуй успел привыкнуть. Рассыпав по полу серый пепел, он спрятал огниво и сухо поинтересовался:

— Приказать подать тебе запеченную голубку?

Сюнь Хайши вовсе не испытывал голода. Он лишь забавлялся, глядя на топчущуюся по отливу птицу.

— Пожалуй, обойдусь чем-нибудь легким, — Сюнь Хайши безразлично привалился к изголовью кровати. — Простой рисовый отвар вполне подойдет.

— Хорошо, — бросил Се Юйсуй. Задержав руку на дверной ручке, он добавил: — Ночью я планирую наведаться в Управление по умиротворению. Примерное расположение комнат мне ясно, так что утруждать главу ордена Сюня не стану. Отдыхай и не высывайся из постоянного двора.

С этими словами он вышел, оставив Сюнь Хайши в полном недоумении. Тот так и не понял, чем успел не угодить благородному князю.

Впрочем, тесной связи между ними никогда не водилось, а значит, и обижаться было не на что. Наверное, Се Юйсуй просто устал от его вечных подначек и наконец сорвался. Сюнь Хайши рассудил, что забивать этим голову — пустая трата времени.

Едва опустились сумерки, монастырская тишина комнаты нарушилась стуком в дверь. Трактирный служка внес поднос с едой и зажег две свечи.

Сюнь Хайши, преодолевая легкое головокружение, сел на постели. Посмотрев на скромную плошку рисовой каши и две тарелочки с пресными закусками, он спросил у собиравшегося уходить паренька:

— А где мой спутник?

— Молодой господин отлучился, — вежливо отозвался тот. — Наказал не тревожить вас понапрасну и подать ужин, как только стемнеет.

Сюнь Хайши молча кивнул. Служка пожелал ему приятной трапезы и тихо прикрыл за собой дверь.

Оставшись в одиночестве, Сюнь Хайши мгновенно преобразился. Исчезла маска ленивого сибарита, уступив место мрачной сосредоточенности. Обувшись, он подошел к столу и сделал пару глотков жидкой каши.

Тепло риса должно было утихомирить голод, но вместо этого внутренности прошила острая, режущая боль — словно под ребра разом вонзились десятки мелких лезвий. Боль была столь лютой, что любой другой на его месте катался бы по полу с диким воем. Сюнь Хайши лишь смертельно побледнел и сильнее сжал ложку.

Слабое тело требовало сил, а без пищи восстановить утерянное мастерство было невозможно. Старый яд продолжал медленно пожирать его изнутри, и только эта пресная жижица сейчас не вызвала мгновенного отторжения.

Через силу, ложка за ложкой, он доел кашу, даже не прикоснувшись к закускам.

Отставив пустую пиалу, он промокнул губы платком и едва заметно, горько усмехнулся.

В тишине раздался его тихий, почти беззвучный смешок. В ту же секунду на шелковой ширме, расписанной бамбуковыми листьями, дрогнула смутная тень.

Сюнь Хайши перестал улыбаться. Легонько постукивая пальцами по столешнице, он не оборачиваясь произнес:

— Не ожидал, что именно ты явишься первым.

Тень замерла. Из-за ширмы бесшумно выступил невысокий, щуплый человек. Вглядевшись в бледное лицо хозяина, он поспешно приблизился и опустился на одно колено:

— Нижайше прошу покарать меня за недосмотр! Моя оплошность едва не стоила главе ордена Сюня жизни.

— Оставь, это была не беда, а лишь удобный случай, — лениво отозвался Сюнь Хайши, подперев подбородок ладонью и разглядывая склоненную макушку гостя. — Кто приказал тебе вмешаться? Те старики в совете решили, что моя кончина развяжет им руки?

Коленопреклоненный юноша вздрогнул. Не в силах угадать, гневается ли господин, он робко пролепетал:

— Почти весь Павильон Небесной Оси сейчас поднят на ноги. Ваше исчезновение — дело государственной важности. Сам император дал дозволение на поиски, так что бунтовать никто не посмеет.

Он говорил искренне, послушно отвечая на каждый вопрос, а под конец его голос и вовсе задрожал от подступивших слез:

— Хвала небесам... Хвала небесам, вы целы!

— Цел, куда я денусь. Сразу все равно не помру, — хмыкнул Сюнь Хайши. Сейчас в его крови боролись два яда: один медленно крал годы жизни, а второй служил катализатором, заставляя первый свирепствовать пуще прежнего. — Но о том, что я жив, пока ни одна живая душа знать не должна. Слишком мало времени прошло. Хочу посмотреть, как эти псы перегрызут друг другу глотки.

— Поднимись, — Сюнь Хайши поднялся и лег на кровать, совершенно позабыв о ночном посетителе.

Юноша поднялся. На его лице читалась смесь страха и облегчения: он то ли боялся непредсказуемого нрава своего главы, то ли искренне ужасался мысли, что тот мог сгинуть в безвестной глуши.

Заметив, что Сюнь Хайши прикрыл глаза, незванный гость на цыпочках подошел к постели. Стараясь не шуметь, он вытянулся в струнку у изголовья, превратившись в безмолвного стража.

Свечи на столе мигнули от ворвавшегося в щель сквозняка и погасли.

Комнату затопила ночная тишина, нарушаемая лишь едва слышным дыханием. Спустя какое-то время Сюнь Хайши глухо спросил:

— Тебя кто-то направил сюда, или сам вызнал?

— Сам, — отозвался Чжо Юньвэй. — Наши люди уже несколько дней прочесывают эти места, но...

Было бы странно, если бы ищейки Павильона не крутились возле места происшествия. Станным было то, что при таком обилии сил Сюнь Хайши так никто и не нашел.

— Дороги перекрыли, — Сюнь Хайши распахнул глаза. В его уме мгновенно всплыло имя виновника: — Сюэ Ли.

— Возможно, — согласился Чжо Юньвэй. — В самом Павильоне творится неладное. Настроения среди братьев... странные. Я не могу объяснить точнее.

— Пустое, — отмахнулся Сюнь Хайши, задумчиво перебирая пряди рассыпавшихся по подушке темных волос. В неверном лунном свете его лицо казалось высеченным из алебаstra. — Без меня они все равно не прыгнут выше головы. Сколько цепных псов ни прикармливай, волками они не станут. Кишка тонка.

Услышав, как орден, внушающий трепет всей Поднебесной, приравняли к стае домашних шавок, Чжо Юньвэй невольно поморщился. В конце концов, под это нелестное сравнение попадал и сам Сюнь Хайши. Однако спорить юноша не посмел, благоразумно прикусив язык.

— Что слышно о семействе Лян? — продолжил расспросы Сюнь Хайши. — Лян Хунчэнь добрался до Юнчжоу?

— Прибыл, но в город пока не сошелся. Расположился в трактире у тракта. С ним несколько тайных стражей из свиты наследного принца. Не похоже, чтобы они рвались на поиски убийц или младшего молодого господина Ляна. У них явно другие цели.

Чжо Юньвэй ненадолго замялся, а затем добавил:

— И еще... Получив ваше тайное послание, мы, как вы и велели, пустили слух, будто в окрестностях Юнчжоу запрятаны несметные сокровища. Но почему-то поползли слухи, будто вы сами сгинули из-за этого клада.

Паренек шмыгнул носом и пробормотал:

— И ведь дураков нашлось немало, все поверили.

Сюнь Хайши тихо рассмеялся:

— Моя голова стоит дорого. И если уж глава ордена Сюнь сложил здесь свои кости, то даже самые заядлые скептики прибегут поглядеть, ради чего стоило так рисковать. Юнчжоу ждет знатное веселье. Раз уж все актеры в сборе, нам остается лишь занять лучшие места в ложе.

Чжо Юньвэй мало что понял из этих рассуждений, но расспрашивать не решился. Он давно смирился с тем, что постичь ход мыслей главы ордена Сюня простому смертному не под силу. Например, как сейчас: только что они вели важный разговор, и вдруг Сюнь Хайши со стоном откинулся на постель и капризно протянул:

— Ну почему отравители не могли выбрать какой-нибудь не такой болезненный яд? Сразу ведь видно, что меня пытаются извести. Совсем не умеют работать.

— Что? — Чжо Юньвэй опешил. Осознав смысл услышанного, он бросился к постели, судорожно выгребая из рукавов припрятанные снадобья: — Глава ордена Сюнь, вы ранены? ЧЕМ вас опоили? У меня есть универсальные противоядия, посмотрите, вдруг что-то подойдет!

Сюнь Хайши даже глаз не открыл. Он плотнее закутался в одеяло и отвернулся к стене.

— Иди найди себе угол и не маячь у меня над душой. Скоро вернется мой сожитель. Если застукает тебя здесь, решит, что я завел интрижку на стороне. А характер у него — не дай бог, замучаюсь потом успокаивать.

Несколько флаконов с тихим звоном покатались по одеялу. Чжо Юньвэй так и застыл с протянутой рукой, хлопая глазами:

— И-интрижку?.. На стороне?.. Глава ордена Сюнь, так вы тут не один?!

В его юной голове мгновенно разыгралось буйное воображение. Образ скрывающегося от погони грозного предводителя сменился картиной тихой семейной гавани, где господин Сюнь нянчит прелестную супругу и кучу детишек. Но не успел он додумать эту мысль, как со стороны кровати донеслось глухое ворчание:

— Да, у меня тут мужчина. Так что проваливай давай.